

Ровена
Кюлман

Rowan Coleman

The Memory Book

Ровена
Кулман

МУЖЧИНА,
КОТОРОГО ОНА ЗАБЫЛА

Москва 2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К73

Rowan Coleman
THE MEMORY BOOK

Copyright © Rowan Coleman, 2014

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *М. Молчанова*
Художественное оформление *Д. Сазонова*

Коулман, Ровена.

К73 Мужчина, которого она забыла : [роман] / Ровена Коулман ;
[пер. с англ. М. Молчанова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. —
320 с. — (Роман-потрясение. Д. Чемберлен и Р. Коулман).

ISBN 978-5-699-86515-4

Имя первенца, лицо возлюбленного, домашний адрес, прожитые годы... Что происходит с человеком, когда его память начинает ускользать сквозь пальцы? Можно ли заново собрать жизнь по крупичкам? Создать семью? Влюбиться?

Когда Клэр начинает писать Книгу памяти, она верит, что этот альбом станет своеобразным прощальным подарком для ее мужа и дочери. Клэр боится, что раз она потеряла себя в прошлом, то в будущем для нее уже нет места. Но жизнь преподносит ей сюрприз...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-86515-4

© Молчанов М., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Моей маме Дон

...время их

*В неправду превратило. Среди трав
Их каменная верность, что в виду
Имелась вряд ли некогда, – в ряду
Последних доказательств шепчет вновь,
Что наш полунстинкт почти что прав,
Что нас переживет одна любовь.*

Филип Ларкин,
«Надгробие Арунделей»¹

---

¹ Перевод Г. Яропольского.

Пролог

Грэг смотрит на меня — думает, что я не замечаю. А я режу лук за кухонной стойкой и уже минут пять вижу выпуклое, растянутое и вывернутое наизнанку отражение в хромированном чайнике, который нам подарили на свадьбу. Грэг сидит за столом и не сводит с меня глаз.

Когда я впервые заметила этот взгляд, то решила, что у меня еда застряла в зубах или в волосах запуталась паутина. Ну да, зачем еще моему молодому симпатичному строителю на меня глазеть, тем более что в тот день я была в футболке и старых джинсах, а волосы завязала в пучок — собиралась красить мою новенькую мансарду, ту самую, с которой все началось.

Грэг работал у меня около месяца; срок подошел к концу, наступил день расчета. В доме все еще было жарко, особенно наверху, хотя я настезь открыла новые окна. Грэг, мокрый от пота, спустился с мансарды по только что установленной раздвижной лестнице, взял у меня большой стакан лимонада со льдом и выпил его одним залпом, так что мускулы заиграли на шее. При виде такого великолепия я не удержалась от восхищенного вздоха, а на удивленный взгляд Грэга ответила

смехом. Он улыбнулся и уставился на свои ботинки. Я налила ему еще лимонада и продолжила разбирать вещи Кэйтлин — очередную коробку с барахлом, которое будет пылиться в гараже. Тогда-то я и ощутила на себе его взгляд. Потрогала волосы, провела языком по зубам — вроде все в порядке.

«А может, — мелькнуло в голове, — он сейчас соберется с духом и заломит цену втридорога?»

— Все в порядке? — спросила я.

— Отлично, — кивнул Грэг, всегда немногословный.

— Хорошо. Вы закончили? — Я еще ждала плохих новостей.

— Да, все готово. Так что...

— Ах да, деньги! Простите... — Покраснев, я зашарила по кухонным ящикам в поисках чековой книжки — вечно ее не найдешь, когда надо. Грэг продолжал сверлить меня глазами. — Куда же она подевалась? Сейчас, где-то здесь...

— Я не спешу, — сказал он.

— Недавно счета оплачивала, и вот... — бормотала я, мечтая поскорее остаться одной, облегченно выдохнуть и ополовинить бутылку вина, припасенную в холодильнике.

— Можете заплатить в другой раз, — предложил Грэг. — Например, когда мы пойдем куда-нибудь выпить...

— Что? — Я замерла над ящиком, полным резиновых колечек. Наверное, ослышалась.

— Когда мы пойдем выпить, — неуверенно повторил он. — Я обычно не приглашаю своих нанимателей, но вы... Вы необычная.

Я засмеялась. Настал черед Грэга краснеть.

— Я рассчитывал на другой ответ, — сказал он, сложив руки на груди.

Ситуация была настолько нелепой, что мне пришлось проговорить это вслух — убедиться, все ли я правильно поняла.

— Вы приглашаете меня на свидание? Меня?

— Да. Так вы согласны?

Грэг, казалось, не видел в этом ничего странного: он и я, десять лет разницы, свидание.

— Ладно, — сказала я. — Почему нет?

* * *

Тогда я впервые заметила, как он на меня смотрит — со смесью пыла и радости, которые тут же отражались во мне, будто тело, неподвластное разуму, отвечало на зов. Да, я чувствую его взгляд раньше, чем вижу: по затылку бегут мурашки, и накрывает сладкая дрожь — ведь за ним, я знаю, всегда следуют ласки и поцелуи.

Грэг касается моего плеча. Я прижимаюсь к пальцам щекой.

— Ты плачешь, — говорит он.

— Это от лука. — Я откладываю нож и поворачиваюсь к мужу. — Ты ведь знаешь, как Эстер любит мамочкину лазанью. Так что наблюдай за мной и учись. Сначала режем лук...

— Клэр... — Грэг не дает мне взяться за нож и поворачивает к себе. — Клэр, нам надо поговорить, тебе не кажется?

У него такой потерянный вид, что меня подмывает ответить — нет, не надо, лучше скажем себе: сегодня все как вчера, и позавчера, и много дней назад, когда мы ничего не знали. Можно еще долго так притворяться — что мы счастливы, что все хорошо.

— Она любит, когда в соусе много томатной пасты. И не жалеть кетчупа...

— Я не знаю, что делать. — Голос Грэга обрывается на вздохе. — Не знаю, как быть.

— А потом, в самом конце, чайную ложечку дрожжевого экстракта...

— Клэр... — Он прижимает меня к груди. Я стою, зажмурившись, не поднимая рук, вдыхаю его запах и слышу бешеный стук своего сердца. — Клэр, как мы расскажем детям?

Пятница, 13 марта 1992 года
Кэйтлин родилась

Это браслет, который тебе дали в больнице, – розовый, потому что ты девочка. На нем написано: «Малышка Армстронг». Его надели тебе на ножку, а он все время соскальзывал, ведь ты была такая крохотная – родилась раньше срока на целый месяц, день в день. Мы думали, ты будешь апрельская. Я представляла себе нарциссы, синее небо и дожди, а ты решила родиться на месяц раньше, в сырую промозглую пятницу. В пятницу, тринадцатого, между прочим, хотя нас это не испугало. Если кто и появился на свет наперекор всем дурным приметам, так это моя дочурка. И ты, зная себе цену, не хныкала и не плакала, а разразилась могучим криком. Объявила миру войну.

С нами долго никого не было – ты родилась раньше срока, а бабушка жила далеко. Поэтому первые шесть часов мы провели вдвоем. Ты пахла сладко, будто пирожное, и была такая теплая и такая... правильная. Мы лежали в самом конце общей палаты за занавесками. Я слышала, как разговаривают другие мамочки, как их навещают посетители, как плачут детишки, – слышала, но сама не хотела в этом участвовать. А хотела, чтобы были только ты и я. Я держала тебя на руках, такую крошечную и сморщенную, словно бутончик. Смотрела, как ты, нахмутив личико, дремлешь у меня на груди, и говорила тебе, что все будет хорошо, потому что мы вместе. Мы вдвоем были как целый мир, а все прочее не имело значения.

1

Клэр

Мне надо освободиться от матери: она сводит меня с ума. Нет, я не сумасшедшая. Хоть и на пределе.

А какое лицо было у мамы, когда мы вышли из больницы... Это выражение не сходило до самого дома: стойкость и уныние. Хотя она молчала, было слышно, как жужжат слова у нее в голове: «Как это похоже на Клэр — взять и все испортить, когда жизнь только наладилась».

— Я перееду к вам, — говорит мама, уже проникнув в гостевую комнату и расставив личные вещи на полочке в ванной, будто я ничего не вижу. Было ясно, что она приедет, как только тайна раскроется. Я и сама этого хотела, но ведь можно дожидаться приглашения, а не сваливаться на голову. Эти скорбные взгляды и приглушенные разговоры, которыми теперь полон мой дом, невыносимы. — Поживу в комнате для гостей.

— Еще чего! — Я поворачиваюсь к водительскому креслу. Меня за руль не пускают с тех пор, как я сбила почтовый ящик. Штраф оказался заоблачный, потому что ящик принадлежал Ее Королевскому Величеству; если задавить корги, вас, наверное, вообще сошлют в Тауэр. Мама — очень осторожный водитель, но не смо-

трет в зеркало, когда включает заднюю передачу. Словно думает, что безопаснее закрыть глаза и надеяться на лучшее. Раньше я очень любила водить. Мне нравилось чувствовать себя свободной и независимой, нравилось знать, что можно в любое время куда угодно поехать. А теперь ключи от машины исчезли. Как же меня это бесит! Мне даже не дали поцеловать их на прощание — спрятали где-то, где я их никогда не найду. Знаю, потому что уже пробовала.

А я считаю, что водить можно. Пусть только никто не стоит на пути.

— Тебе не нужно переезжать, до этого пока не дошло, — настаиваю я, хотя мы обе знаем, что она уже переехала. — Мне еще долго не понадобится помощь. То есть я же умею говорить и думать о... — Я неопределенно помахиваю рукой, но осекаюсь под торжествующим маминым взглядом. — О разных вещах.

— Клэр, от такой проблемы не спрячешься. Поверь мне, я знаю.

Конечно, знает: однажды ей уже довелось это пережить, а сейчас благодаря мне (или, говоря строго, моему отцу и его дефектной ДНК) придется пережить снова. И не похоже, чтобы я собиралась отбыть на тот свет с соблюдением всех приличий, в рассудке и твердой памяти, держа маму за руку и безмятежно напутствуя детей. Нет, мое раздражающе молодое и вполне еще здоровое тело протянет долго после того, как мозги превратятся в кашу, — пока однажды не разучится дышать. Вот о чем думает мама. Знаю, ей меньше всего хочется наблюдать за тем, как дочь медленно угасает

от болезни, которая забрала ее мужа. Она изо всех сил старается меня поддержать. Я все понимаю... но как меня это бесит! Ее великодушие просто невыносимо. Я всю жизнь доказывала, что могу быть взрослой, что меня не надо вечно спасать. И выходит, всю жизнь была не права.

— Вообще-то, мама, мне проще простого спрятаться от проблемы, — говорю я, глядя в окно. — Большую часть времени я просто не буду ее замечать.

Забавно — я произношу это вслух и чувствую страх, но он как будто не мой. Словно этот кошмар происходит с кем-то другим.

— Ты, конечно, не всерьез, Клэр, — сердито отзывается мама, а сама явно считает, что всерьез, что я не просто хочу ее позлить, а мне и правда на все плевать. — Подумай о дочерях.

Я не отвечаю. Слова во рту никак не хотят соединиться во что-то внятное, приобрести нужный смысл, поэтому я молча смотрю в окно, где один за другим проплывают дома. Уже почти стемнело: в гостиных горят лампы, за шторами мерцают телеэкраны. Конечно, мне не плевать. Я не смогу больше колдовать на кухне зимними вечерами, готовить дочерям ужин, смотреть, как они растут. Я не узнаю, всегда ли Эстер будет собирать с тарелки горошинки по одной и потемнеют ли с возрастом ее волосы; отправится ли Кэйтлин в путешествие по Центральной Америке, как планирует, или сделает что-то такое, о чем сейчас не мечтает. Я никогда не узнаю, о чем будет эта немислимая мечта. Мои дочки не сбегут от меня на свидание, не

придут ко мне со своей бедой. Меня рядом с ними не будет — а я даже не узнаю, чего лишилась. Нет, мне не плевать, черт возьми!

— Что ж, полагаю, у них будет Грэг, — скептически говорит мама. Она решила во что бы то ни стало обсудить, каким станет мир без меня, хотя это не очень-то вежливо. — Если только не уйдет.

— Не уйдет. Грэг — чудесный отец.

Говорю, а сама сомневаюсь: вдруг он не выдержит? Я не знаю, чем ему помочь. Грэг очень хороший и добрый, но в последнее время, с тех пор как мне поставили диагноз, он с каждым днем, с каждым моим взглядом отдаляется от меня. Я знаю, он хочет быть храбрым и стойким ради меня, однако все это так ужасно — особенно сейчас, когда наша семейная жизнь едва началась, — все это так ужасно, что подрывает его силы. Скоро я совсем перестану узнавать мужа; мне уже сейчас все труднее понять свои чувства к нему. Я знаю: он последняя большая любовь в моей жизни. Знаю, но больше не чувствую. Почему-то именно Грэга я начала терять раньше всего. Я помню наш роман так смутно, будто он мне приснился. Словно Алиса в Зазеркалье.

— Уж кто-кто, но ты... — Мама отчитывает меня и не может остановиться, будто я плохим поведением сама навлекла на себя фамильное проклятье. — Ты ведь знала, каково это — расти без отца. Клэр, твои дочери скоро лишатся матери. Нужно подумать об их будущем. Ты должна быть уверена, что они без тебя не пропадут!